

Сергей Михайлович Соловьёв

Меньшее из зол

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
С32

С32 **Сергей Михайлович Соловьёв**
Меньшее из зол / Сергей Михайлович Соловьёв – М.: Книга по Требованию,
2012. – 58 с.

ISBN 978-5-4241-3404-3

Фантастическая повесть российского автора Сергея Соловьева.

"Большую часть времени я живу в Тулузе - преподаю математику в университете, иногда - на родине, в Санкт-Петербурге. Что касается литературы, то публиковалась в основном проза, стихи и стихотворные переводы - меньше"

ISBN 978-5-4241-3404-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Соловьев Сергей
Владимирович
Меньшее из зол

- Вы сходите? - возмущенно спросили за плечом Скобелева. Он не сразу понял, что вопрос относится к нему. Потом спохватился и торопливо выбрался из скрипучего автобуса, под завязку набитого пенсионерами. Докатился - экономить на маршрутках.

По заснеженной улице спешили люди. От морозного воздуха он почти проснулся. Успел проскочить через проходную, прежде чем начали отмечать опоздавших, поднялся на лифте и долго шел по коридору, от тепла и равномерного мелькания окон снова все глубже погружаясь в сон - этот странный сон с открытыми глазами. Не то, чтобы это был настоящий сон - только ощущение, которое с нечеткостью мозговой опухоли фокусировалось где-то между глазами и затылком.

До сих пор его хождения по врачам, исправно съедавшие почти весь бюджет старшего научного сотрудника, ничего не дали. Никаких резких изменений в его поведении не было, только мелочи, хотя, возможно, в них-то и крылось самое главное. А может, просто врачи никуда не годились, став великими диагностами только в одном - оценке финансовых возможностей пациента. Он тщетно пытался сам анализировать симптомы - если это были симптомы, а не голая мнительность. Сегодня он решил испробовать еще один шанс. Могут же на что-то сгодиться друзья детства?

Заранее чертыхаясь, Скобелев снял трубку. Телефон был спаренный. Линия, однако, оказалась свободна - в соседней лаборатории устали разговаривать, или, наконец, в достаточном количестве обзавелись мобильниками. "Входящие бесплатно!" Он торопливо набрал номер.

--

Снегирева, пожалуйста.

--

А кто его спрашивает?

Скобелев назвал себя. Соединили сразу.

--

Здравствуй, Виталик. Это Скобелев.

--

Привет, Андрюша.

--

Знаешь, Виталик, я бы хотел с тобой посоветоваться. Дело, в общем, по твоей части. Видишь ли... Я не знаю, как сформулировать. Короче, у меня нарушения сна.

--

Бессоница?

--

Нет, скорее наоборот.

--

Необычная сонливость? Ты можешь яснее?

--

Могу, но я звоню с работы.

--

Понятно. Я задам несколько вопросов, ты отвечай только да или нет. Ты то и дело засыпаешь или спишь необычно долго?

--

Нет...

--

Может быть, тебе все время *хочется* спать?

--

Да нет...

--

Ты чувствуешь, что в тебе что-то спит, но ты не знаешь, что?

--

Да...

--

Так. Менингитом, энцефалитом ты не болел?

--

Ты же знаешь, что нет...

--

Провалов памяти у тебя не было?

--

Пожалуй, нет...

--

Ладно. Ты можешь подъехать ко мне завтра к одиннадцати?

Сегодня понедельник, завтра вторник. Во вторник с 10 до 12 у Скобелева был семинар. При том до идиотизма драконовском режиме который ввел на работе Кузьма Витальевич, когда его сделали директором и выбрали членкором, Андрей с трудом добился на работе разрешения участвовать в нем, зато пользовался в этот день относительной свободой.

--

Да. Только объясни, пожалуйста, как ехать...

--

На общественном транспорте? - в голосе Виталия Скобелеву послышался добродушный сарказм. Поводы раньше были другими, но интонацию эту он хорошо знал с детства.

--- * ---

Полупустой холодный троллейбус полз по безлюдным улицам. Слева и справа проплывали бетонные заборы, из-за которых местами виднелись асфальтовые крыши складов, параллелепипеды административных зданий, ангарные закругления цехов. Если взглядеться повнимательнее, везде заметны признаки упадка - пробоины в кровле, заделанные металлическим листом, разбитые стекла или напрочь высаженные окна. На таком не вызывающем оптимизма фоне странно смотрелся недавно отреставрированный розоватый особняк конца позапрошлого века.

Почти треть первого этажа занимал просторный холл. Скобелев сдал пальто в окно гардероба, втиснутое между массивных колонн. По светлой мраморной лестнице поднялся на второй этаж, пересек пространство, почти дословно повторявшее холл внизу, и завернув в короткий коридор сбоку, нашел кабинет

Снегирева.

Кабинет был невелик. Большую часть занимал массивный письменный стол. Рядом - два старинных кожаных кресла. Снегирев - с другой стороны, у окна. Тяжеловесная, немодная, слегка потертая мебель каким-то образом смягчала проблему пациент-врач, волновавшую Скобелева всю дорогу.

Стены кабинета украшали очень качественные, не отличишь от подлинника, репродукции югославских примитивистов в темных рамах.

Снегирев был одет неброско, но, если присмотреться, очень тщательно. Лицо его выражало доброту, твердость и профессиональное простодушие. Каким-то образом отчетливо чувствовалось, что кабинет этот он уже перерос.

Скобелев ждал каких-то предисловий, расспросов, но Снегирев немедленно протянул ему скоросшиватель, который, похоже, держал наготове.

--

На, погляди.

--

Это что?

--

Отчет по сонной болезни.

Согласно отчету, первые случаи были отмечены меньше года назад. Скобелев увидел таблицу заболеваемости по кварталам года, за ней - карту области и всего Северо-Западного административного округа, обе, как сыпью, покрытые точками. Диаграммы распределения по социальным группам и профессиям.

--

Это отчет по Северо-Западу, - заметил Снегирев, - здесь почти все, чем мы располагаем.

--

Неужели случаев так много?

--

Симптоматика достаточно безобидная, будь их меньше, болезнь могли бы и не заметить. А так - случалось помногу обращений к врачам с похожими жалобами. Постепенно забеспокоились - вдруг у нас какая-нибудь эпидемия...

--

Почему так мало пенсионеров?

--

А черт их знает. Может, деньги экономят. А может, просто за болезнь не считают. Погляди на описание симптомов. Оно составлено в основном со слов больных. Объективная диагностика - наша проблема. Но очень беспокоит массовость жалоб.

--

У меня похоже, - сказал Скобелев, прочтя описание симптомов. - Главное, ощущение, что какая-то часть мозга безнадежно спит. Кстати, почему ты спрашивал о провалах памяти?

--

Так, на всякий пожарный. Было несколько подозрительных случаев, но у всех нашлась предшествующая патология, новые симптомы просто наложились на старые.

--

Почему в отчете ничего не сказано о течении?

--

Я же говорил, у нас страшно неполная информация. В Москве, в Екатеринбурге, в Новосибирске спохватились, но позже, чем у нас. Сейчас, наконец, решено создать правительственную комиссию, а по округам и крупным городам рабочие группы. Здесь такую группу буду возглавлять я.

--

А по братским республикам?

--

Слухи доходят... Между прочим, не только с Украины или там Белоруссии. С Запада, с Востока и с Юга тоже. На работе у тебя без подвижек? - перевел разговор Снегирев.

--

Без, если не считать смены руководства. С начальством кранты.

--

Свободного расписания ... нет?

--

Куда там! Как под фараонами, азиатский способ производства. Отмечают на проходной. Это в академическом институте. Заметь, за почти те же деньги, что и раньше. Не понимаю, как народ терпит.

--

Необычное поведение.

--

Исключение, которое подтверждает правило. Что делает чаще всего начальство? Гребет под себя, а на тех сотрудников, с кого нечего взять, внимания не обращает.

--

Вариант довольно распространенный.

--

А Кузьма Витальевич - другой. В советское время ему командовать не давали, директором он стал недавно, а командовать, как выяснилось, любит. Больше, чем деньги.

--

Отчет с собой дашь?

--

Бери.

--

Ты, случайно, не хочешь привлечь меня к работе?

--

А ты бы согласился?

--

Если прикроешь от дирекции.

--

Для контролирующих денежные потоки нет ничего невозможного. Даже если у вас директор - бессеребреник. Придется подождать немного, пока будет организована рабочая группа.

--

А какая работа? Статистика, программирование?

--

Какая у нас еще может быть работа для математика!

Около особняка стояло несколько иномарок. Одна из них, должно быть, принадлежала Снегиреву. Маршрутки в этих малонаселенных краях, по всей вероятности, не ходили, хотя Скобелев, чувствуя легкий приступ оптимизма, пожалуй, раскошелится бы в счет будущих достижений. Увы, минут двадцать спустя он снова трясся в холодном троллейбусе. В портфеле лежал отчет. Очаг сна в мозгу по-прежнему чувствовался, хотя теперь он меньше пугал Андрея. Снегирев, конечно, мудро сделал, что не задал ни одного врачебного вопроса. Сотрудничество - лучший способ исследования. Недаром один из опросников, которые шутки ради на работе заполнял Скобелев, определил в качестве основной черты его личности интеллектуальное любопытство.

--- *---

Спустя несколько дней Скобелев заехал домой к Снегиреву, чтобы вернуть отчет. Снегирев жил один, но квартира не выглядела холостяцкой. Разумеется, сплошной евроремонт. Все аккуратно, продуманно, даже одежда хозяина, встречавшего гостя в мягкой домашней куртке, но при галстукке. На стенах здесь также висели пейзажи примитивистов, только более мрачные, чем в рабочем кабинете, где, наверное, следовало заботиться о душевном равновесии пациентов.

Скобелев чувствовал себя куда более непринужденно, чем в прошлый раз, и позволил себе пару слов по поводу высокого качества репродукций.

Снегирев засмеялся.

--

С чего ты взял, что это репродукции?

--

А где ты их достал?!

--

Где... Ездил позапрошлым летом в Черногорию. Сейчас она начинает входить в моду, но тогда все было совсем недорого. Вот я и купил - надо же помогать братьям-славянам. Да и вообще, у нашего с тобой поколения к ним слабость.

Скобелев, чтобы скрыть смущение, прошелся по мягкому ковру. Во всем чувствовалось такое единство стиля. Он немного завидовал, но в большей степени восхищался - сама легкость, с которой умел устраиваться Виталий, вызывала у него симпатию. Даже если обстановку подбирал дизайнер, надо обладать хорошим вкусом, чтобы потом ничего не испортить.

В середине стенки из темного дерева - книжный шкаф. За стеклом справочники, словари, несколько альбомов репродукций, подборки Корсаковского журнала, а на одной из полок тома в коричневых коленкорových переплетах, явно не типографского издания.

--

Можно посмотреть?

--

Конечно.

Скобелев взял один из томов. Под обложкой скрывался старый машинописный текст, насколько можно понять, переводы каких-то статей или книг. Что удивило

Андрея, так это язык. Чего стоила хотя бы "глубоко желанная самоидентификация личности".

--

Довольно странные переводы.

--

Храню, как память. Труды наших пациентов. Не всем же клеить коробки! Среди них встречаются и интеллектуалы. Кстати, сейчас большинство этих переводов изданы...

Чуть погодя, Снегирев предложил Скобелеву несколько психологических тестов. Утопая в уютном кожаном кресле, Андрей заполнил одну за другой дюжину маленьких анкет. Дело, видимо, было не в отдельных тестах, а в их последовательности. Он рисовал, что придет в голову, на пустом квадратном поле, затем принимался искать пропущенное слово в списке, подбирал цвета в порядке предпочтения... Заполненные листки Снегирев бегло просмотрел и отложил в сторону.

--

Ну что ж, спрашивай, - Скобелеву не удалось скрыть нервозности.

--

Спрашивать? Ты думаешь, так мы что-нибудь узнаем? Впрочем, как хочешь. Давай попробуем. Не думай только, что мне все о тебе известно, так что не удивляйся банальным вопросам.

--

Ты не женат?

--

В разводе.

--

Детей нет?

--

Нет.

--

Живешь отдельно?

--

Да... После развода -- в коммуналке.

--

Наукой занимаешься?

--

После того, как началось *это*, я вообще больше работаю.

--

По службе, или какие-то свои задачи?

--

В основном свои. Я участвую в семинаре, кроме того, остались старые темы. Пишу статейки.

--

А семинар?

--

По теории игр и матэкономике. У меня диссертация была по эти делам. Но занимаюсь не только этим. По нескольким направлениям - вплоть до лингвисти-

ки.

Упомянув о лингвистике, Скобелев сообразил, что надо бы позвонить Тане Поповой, но тут же снова забыл о этом. Охотнее всего болезнь проглатывала имена и обязательства.

Возможность выговориться перед Снегиревым привлекала его. Взаимосвязи между болезнью и работой его по-настоящему интересовали, насколько вообще интересовало что-то.

--

Живется тебе бедно. Но матэкономика - это ведь вроде модная тема?

--

Ты путаешь с финансовой математикой. Туда не пробиться. Кроме того, там чаще всего платят за подгонку под заказ, а не за настоящее исследование. "Покупайте краткосрочные гособлигации!"

--

Но ты все равно трудишься в поте лица.

--

Да... Иногда мне кажется, что отключились какие-то сдерживающие центры, иногда, что я просто пытаюсь забытья.

--

Что собой сейчас представляет ваш институт?

--

Полу-ящик. Одно время казалось, они исчезнут, но они опять начали размножаться.

--

Допуск?

--

Нет, но пришлось потрудиться, чтобы его не получить.

--

А чем он тебе мог помешать?

--

Переписка, публикации... Еще под монастырь подвели бы - ты же знаешь, как сейчас. Встал не с той ноги и обвинили в шпионаже.

--

Ты говоришь, взаимоотношения с начальством не очень?

--

Меня терпят. Я все-таки универсальный консультант.

--

Деньги?

--

Базовая зарплата.

Скобелеву надоело это, как ему казалось, хождение вокруг да около.

--

Может, ближе к делу?

--

Если ты настаиваешь, - нехотя согласился Снегирев. - Скажи мне тогда вот что. Как и когда, по-твоему, это у тебя началось?

Как и для всего, что не относится к сиюминутным событиям, или не случилось

давным-давно, до болезни, от Скобелева потребовалось немалое усилие, чтобы вспомнить. Наконец всплыло требуемое воспоминание.

Болезнь началась неожиданно, года полтора назад. В детстве у него бывали головокружения, которые возникали утром, после особенно сладкого сна, и продолжались обычно до обеда, после чего проходили также внезапно, как и начались. Начало болезни напоминало начало такого головокружения. Впрочем, похоже оно было и на внезапный приход математической идеи - настолько слабой выглядела телесная составляющая недомогания.

- Болезнь началась неожиданно, утром, примерно полтора года назад, - сказал Скобелев.

Внезапно он почувствовал утомление. Похоже, его вызвал сам процесс вспоминания - он ведь почти ничего не сказал. Какая нелепость!

--

У тебя никогда не был травм черепа, нейроинфекций?

--

Насколько знаю, нет. Я, кстати, ходил по врачам. Мне даже сделали томограмму, на предмет опухоли. Ничего не нашли.

Снегирев задал еще несколько мелких вопросов, но скоро заметил внезапную усталость Скобелева. Попытка поговорить о болезни увядала на корню. Снегирев улыбнулся.

--

Может, чаю?

Чистая, уютная кухня была обставлена шведской мебелью из некрашеного дерева. Снегирев разлил по чашкам отличный, вишневого цвета чай. Все-то он заранее приготовил: чашки стояли наготове на столе, чайник с кипятком чуть слышно вздыхал на inductionной плите, в тот момент, когда круг под ним наливался темным огнем. Сводный брат его заварочный томился под шелковым стеганым колпачком, напоминая об отечественных ценностях и одновременно о добрых отношениях с Китаем. К чаю, как во времена далекого школьного детства, Снегирев подал три сорта варенья.

--

Как мама, как отец? - спросил Скобелев.

--

Отлично. Папа говорит, что для хирурга у него сейчас идеальный возраст. Оперирует почти каждый день, да еще волочит на себе несколько комиссий.

--

Все еще полковник?

--

Нет, недавно дали генерала.

--

А мама?

--

Мама? Склероз, ничего не поделаешь. Боятся инфаркта, хотя обследования говорят, что сердце у нее крепче, чем у тебя и у меня. А твои как?

--

Нормально...

--- * ---